

СКВОЗЬ НЕНАВИСТЬ

ДЭВИД ЛАЗБА

Дэвид Лазба

Сквозь ненависть. 11 кругов ада

«Издательские решения»

Лазба Д. З.

Сквозь ненависть. 11 кругов ада / Д. З. Лазба — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745250-6

Свой дебютный роман «Сквозь ненависть» Дэвид Лазба написал в возрасте шестнадцати лет. Юный герой повествования явился на свет ради любви. Он протягивает миру руку, но в ответ получает плевков в лицо. И когда не к кому обратиться за советом, самое время покопаться в глубинах своей души, где возникнет столько вопросов, сколько юношеский разум разрешить не в силах.

ISBN 978-5-44-745250-6

© Лазба Д. З.
© Издательские решения

Содержание

1 класс	6
1 глава	6
2 глава	10
3 глава	12
2 класс	13
4 глава	13
5 глава	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сквозь ненависть 11 кругов ада Дэвид Лазба

© Дэвид Лазба, 2017

© Сергей Веденский, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4474-5250-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Орфография и стилистика автора сохранены

От автора: Ни один персонаж не представляет чье-то реальное лицо. Все это выдумано. Если вы все-таки увидели себя в каком-то герое, или же уверены, что рассказ о моей личной жизни – вас ждет разочарование. У меня много общего с моим главным героем. Его мысли – мои мысли, но его жизнь – не моя жизнь.

Противопоказания: Мама, не читай эту книгу. Закрой ее и больше не прикасайся!

1 класс

«Хочу быть врачом»

1 глава

В руках цветы, на шее галстук, затрудняющий дыхание, на ногах туфли, которые больше на два размера, на лице глупая улыбка. Мне было шесть, когда я пошел в первый класс. До этого я ходил только в танцевальный кружок, где преподавали вальс. Мне вечно попадались страшные девочки с кривыми ногами и потными руками. С ними не получалось нормально танцевать, поэтому приходилось просто волочить их по залу, вперед – назад, влево – вправо.

Когда мама привела меня на школьную линейку, первым делом я спросил у нее:

– Почему здесь так много детей?

– Все они идут в школу. – Отвечала она. – Теперь и ты пойдешь с ними. Смотри, вон твой новый класс.

Мы подошли к моей будущей классной руководительнице, поздоровались, а затем мама сказала:

– Я Марианна Новак, а это Август Новак, мой сын.

– Очень приятно. – Сказала учительница. – А я Любовь Георгиевна.

– Взаимно. – Ответила мама.

– Это вам. – Сказал я, протягивая новой учительнице цветы.

Любовь Георгиевна наклонилась ко мне, и я взглянул в ее большие, карие глаза. Они показались мне очень добрыми, затем она широко улыбнулась и приняла цветы, ласково говоря: «Спасибо, дорогой...». Ей определенно понравился запах моего букета «вальс хризантем», она тщательно пронюхивала каждый цветок, и выдавала восторженные вздохи.

– Интересная у вас фамилия. – Сказала она, взглянув на мою маму, сквозь цветы. —Вы откуда?

– Мы местные.

Но она врала. Я был родом из Польши, и наша семья переехала в Россию, когда мне исполнилось пять лет, но моим родным языком всегда был русский. Я так и не понял, зачем мама тогда соврала ей.

– Ну, проходи, чего же ты стоишь? – Сказала мне учительница.

Она подвела меня к кучке детей, моих будущих одноклассников. Я невзлюбил их всех немедленно. Особенно тех, кто был выше меня.

– Эй, привет! Меня зовут Дима! – Протянул мне руку один из ребят.

– Привет. – Дружелюбно сказал, я, пожимая его руку. – А что мне делать?

– Пошли, покажу тебе, что там происходит!

Мы стали пробираться сквозь толпу заинтригованных первоклассников и вскоре вышли к площадке, на которой шло какое-то представление посвященное началу учебного года. Там плясали взрослые учителя и старшеклассники, пели какие-то песни и кривлялись, как клоуны.

– Что это? – Спросил я.

– Классно, да? – Воскликнул Дима, глядя на меня.

– Ну, так себе...

Вдруг меня кто-то толкнул в плечо. Я обернулся и увидел высокого мальчика, с белыми кудрями на голове, большим носом и маленькими, как горошинки глазами.

– Ты куда лезешь? – Пригрозил он. – Давай иди назад, мешаешь смотреть!

И тогда я послушно ушел назад, туда где покинул маму, но ее уже не было на том месте. Дима шел за мной следом и что-то бубнил.

– Его Рома зовут. – Сказал он.

– Где моя мама?! – Воскликнул я.

На тот момент, потерять маму для меня было хуже, чем умереть. На глазах появлялись слезы, но я пытался сдерживаться, понимая, что опозорюсь, если заплачу.

– Мам... – Негромко крикнул я, в надежде, что мама услышит и придет.

Ответа не последовало. Я отстранился от своего нового класса, сел на лавочку, уткнулся в руки и стал плакать. Вскоре Дима снова подошел ко мне. Он был добрым, но я начал брезговать его, с первых минут. От него дурно пахло.

– Эй, ты чего? – Спросил он.

– Я маму потерял. – Сквозь слезы бормотал я.

– Она, наверное, домой ушла! – Утешал он меня. – Пошли, спросим у Любви Георгиевны.

Мы подошли к учительнице, и Дима сказал вместо меня:

– Он маму потерял!

Она снова наклонилась ко мне, на этот раз я смотрел не в глаза, а на ее морщины. Такие тонкие ели видные ровные линии. Она была не старой, но с каждым днем все ближе и ближе приближалась к тому, чтобы на нее наклеили ярлык «старуха». Любовь Георгиевна понимала это и пыталась скрыть свою подспевающую старость при помощи тонального крема. Хотела выглядеть красиво. Впрочем, как и все мы.

– Не плачь, что ты... – Сказала она, поглаживая меня по голове и мило улыбаясь. – Она пошла домой и придет за тобой, когда все закончится.

Она успокоила меня этими словами, и я стал просто стоять, разглядывать своих будущих одноклассников. Я их очень боялся и одновременно не любил, но мне безумно хотелось подружиться с кем-то, помимо Димы.

Взяв волю в кулак, я подошел к одному мальчику, у которого были очень большие глаза, но маленькое лицо и сказал:

– Привет, меня зовут Август!

Он повернулся и посмотрел на меня бессмысленнейшим взглядом, затем хлестко отвернулся, вернув свой взор на то, от чего я его оторвал. Станный малый. Я не отчаялся, подошел к другому, который стоял в сером помятом пиджаке, и имел дурацкую прическу. (выбритая почти на лысо голова с длинной челкой)

– Привет, меня зовут Август, а тебя как?

– Август? – Расплывшись в улыбке, передразнил он. – Что за имя? Ты что – лето?

– Нормальное имя! – Возразил я.

– А я Гриша. – Спокойно представился он. – Ты не обижайся на меня, я просто такого имени ни у кого еще не встречал...

– Давай дружить? – Оборвал я его.

– Не, я уже с ним дружу. – Сказал он, показывая на мальчика, который стоял рядом с ним. – Извини, Август...

Никогда не понимал таких рассуждений: «Я уже с ним дружу», вечно дети уже с кем-то что-то имеют, как будто нельзя одновременно дружить с несколькими.

Я подошел к другому мальчику, который был похож на макаку:

– Привет, меня зовут Август, а тебя как?

– Привет, а меня Борис!

– Давай дружить? – Предложил я.

– Давай! – Воскликнул он.

С этого момента у меня появился друг, похожий на макаку. Я хотел у него спросить, почему он так похож на обезьяну, но стеснялся. Хотя мне казалось, что он знает ответ на мой вопрос.

Когда «линейка» подошла к концу, послышался голос, какой-то женщины, это была наша директриса. Мне показалось, что у нее забит нос – она сильно гундосила: «Дорогие лицеисты, я желаю вам удачи в этом учебном году...» – она говорила минут пять: давала напутствия, и желала удачи. После ее речи я увидел, как на нас приближаются старшеклассники, выпускники. Парни брали девочек-первоклассниц за руки, а девушки нас – мальчиков. Моих одноклассников расхватывали одного за другим. Я начал отходить назад, надеясь, что меня не заметят, но у меня не вышло. Высокая блондинка схватила меня за руку и повела к школьным дверям. Я испуганно кинул взгляд на учительницу в надежде, что она объяснит мне, что происходит.

– Она отведет тебя в класс, не бойся... – Успокаивала она.

Я шел, держась за потную руку громадной девушки, стеснялся и чувствовал, что потихоньку краснею. Вдруг из толпы выскочила моя мама с фотоаппаратом, сфотографировала меня и удалилась обратно в толпу родителей. Мне уже было все равно на нее. Я хотел одного: чтобы все это поскорее закончилось.

Мы зашли в школу, но девушка не переставала держать меня за руку. Мы посмотрели друг на друга. Она совсем меня не стеснялась, шла очень уверенно, с непоколебимой улыбкой. И вдруг сказала:

– Тебе понравится в школе, тут замечательно!

– Наверное. – Цедил сквозь зубы я.

Мы поднялись на второй этаж, и зашли в класс. Я сразу обратил внимание на доску, на ней было написано: «Поздравляем, первоклассники, с первым днем в школе!», и рядом весь русский алфавит.

– Вот, садись на первую парту! – Сказала она мне.

Я, наконец-то, отпустил ее потную руку и побежал к первой парте.

– Эй, я хочу здесь сидеть! – Вдруг, воскликнула угрюмая девочка, подойдя ко мне.

Я растерялся и обернулся, в надежде, что та девушка поможет мне, но ее уже не было. Она словно испарилась. Кинула меня там одного.

– Ну, садись. – Неуверенно мямлил я. – Найду себе другое место...

И мне пришлось сесть на вторую парту первого ряда. Через несколько минут весь класс заполнился детьми. Со мной рядом сел узкоглазый мальчик. Его уши, словно шептали мне: «Загляни в меня». Все ухо было в сере: желтой, вероятно, вонючей, и гадкой. Казалось, если в его уши вставить фитилек и поджечь, выйдет неплохая свечка.

Я не стал с ним здороваться, хотел даже пересесть от него, но не успел. В класс зашла учительница, закрыла дверь и начала что-то вещать. Сначала представилась, а затем начала рассказывать про важность обучения в школе и про то, как должен вести себя ученик. Говорила, что мы должны сидеть прямо и руки должны быть на парте, друг на друге. Все сразу приняли такое положение, кроме моего соседа. Я сразу понял – он хулиган.

Я оглянулся, чтобы осмотреть всех одноклассников. Тщательно вглядывался в лицо каждого ребенка. Все выглядели очень забавно и глупо. Я был таким же, просто пока этого не осознавал. Вдруг на мои глаза попала девочка, которая сидела на четвертой парте и разговаривала со своей соседкой. Ее волосы загоразживали лицо и его нельзя было разглядеть, но она меня заинтересовала. Я через каждую минуту оборачивался в надежде, что увижу ее лицо, но она не убирала волосы.

Вскоре, так называемый урок – знакомство подошел к концу.

– Завтра вы должны быть в школе в половину девятого! – Настоятельно сказала учительница и тут же спокойным, уставшим голосом добавила. – Впрочем, ваши родители знают...

Все дети начали выходить в коридор, где их ждали родители. На выходе я увидел ту девочку, которая заинтересовала меня, она повернулась, и мне удалось увидеть лицо. «Эх, вот уродина...» – подумал я.

– Август! – Крикнула мне мама.

Увидев ее, я турманом полетел к ней в объятия.

– Ну как тебе? – Спросила она.

– У меня уже появились друзья! – Хвастался я. – Одного зовут Борис, а другого Дима.

– Ты везде друзей найдешь... – Поглаживая меня по голове, сказала она.

– Завтра полдевятого в школу. – Сказал я. – Знаешь?

– Да, знаю...

2 глава

Мое первое утро перед занятиями было довольно добрым и дивным. Всю ночь мне снилась школа и то, как я радостно шествую туда. А наутро я не просто проснулся – я подлетел и побежал будить маму. Мне не терпелось поскорее пойти в свой «второй дом»...

– Мама, вставай! Пора в школу! – Громко шептал я ей под ухо.

– Тебя брат отведет. – Сквозь дремоту бормотала она.

И в итоге я потащился с братом. Его звали Тимон. И он перешел в десятый класс и всегда по утрам был жутко вредным, угрюмым и молчаливым, а я все не мог смекнуть почему. На тот момент, казалось, что мы идем в распрекрасное, веселое место, которое заполнено добрыми, отзывчивыми учителями и дружелюбными, веселыми одноклассниками.

Когда он завел меня в класс, я увидел, что мое место занято и свободна была только последняя парта.

– Вон, иди на последнюю. – Вяло буркнул Тимон. – Там свободно.

– Но я хочу сидеть впереди!

– Поверь, то место – самое лучшее во всем классе. – Заверил он меня. – Все, мне пора.

Звонок сейчас будет.

Он ушел, а я уныло побрел к последней парте. Увидев своих новых друзей, я окликнул их:

– Эй, Дима, Борис! Привет!

– Привет!

– Привет!

Прозвенел звонок. Зашла учительница, а следом за ней пухлая девочка.

– Куда мне сесть? – Интересовалась толстуха.

– Хм... – Размышляла Любовь Георгиевна, поглаживая подбородок. – А! Вон садись на последнюю парту, с тем мальчиком.

– Х-О-Р-О-Ш-О. – Сказала та.

Ее голос прозвучал для меня замедленно и устрашающе. Выставив нижнюю губу вперед и растопырив свои гигантские ноздри, она надвигалась к моей парте тяжелыми и грозными шагами.

– Привет. – Неуверенно поздоровался я, когда пышка подошла ближе.

Она плюхнулась на стул рядом со мной и с тупым выражением лица уставилась вперед.

«Ну и иди ты!» – подумал я. – «Почему ее посадили именно со мной?»

Весь оставшийся день прошел довольно пресно и нудно. Однако я пытался слушать учительницу, делал все, что она говорила, и вел себя прилежно. Моя соседка тем временем сильно мне мешала: развалилась на стуле и разостлала свои поганые вещи на всю парту. Я ей ни слова не сказал. Боялся.

На переменах мы с Димой и Борисом играли в догонялки, и мне очень нравилась эта игра. Это было что-то новенькое для меня.

Следующий день ничем не отличался от предыдущего, кроме того, что было другое расписание уроков.

Становилось все тяжелее и тяжелее вставать по утрам. Школа уже не казалась мне прекрасным, недурственным местом. На уроках было ужасно скучно, а если я пытался с кем-то поговорить мне делали замечание. Любовь Георгиевна начинала меня напрягать.

Вскоре появилась проблема: я боялся, что мама меня бросит. Она всегда приходила за мной после уроков, как и родители других детей. И вот однажды она немного задержалась. С того момента у меня появилась фобия: каждый день я сидел на уроках и думал о том, что

мама может меня бросить, не придет за мной, и я останусь один. У меня не получалось сдерживать эмоции, и тогда я начинал плакать. Я рыдал и на уроках, и на переменах, делал перерыв и снова рыдал. Одноклассники стали относиться ко мне, как к больному. Кто-то пытался осушить мои слезы, а кто-то смеялся надо мной. В основном девочки успокаивали меня, они говорили: «Да не бойся, придет твоя мама! За нами же приходят родители!», но мне было все равно на других. Я думал, что мои родители особенные и они не похожи на других.

Хоть я и был младше других ребят всего на год, это сильно ощущалось. Я был совсем маленьким по сравнению с ними, как по уму так и по росту. Мне было интересно откуда они так много знают о жизни, и почему они не плачут так же, как и я. Один мальчик узнал, что в нашей школе учиться мой брат, он пошел и рассказал ему про мои истерики. Тимон пришел ко мне в класс и стал, мягко говоря, успокаивать меня:

- Хватит ныть! Придет она! – Ворчал он.
- А вдруг не придет? – Сквозь слезы тихо спрашивал я.
- Придет! – Шипел он. – Куда денется?

Но он не мог мне помочь, никто не мог мне помочь. Я просто плакал и все. А когда приходила мама, я чувствовал невероятное облегчение...

Так продолжалось весь год. Учиться не получалось из-за страха остаться одному. Я не мог додуматься, что если вдруг мама меня бросит у меня есть брат, который учиться в моей же школе и всегда можно пойти к нему.

Соседке по парте надоели мои истерики и слезы, она начала меня, в прямом смысле, мудохать. Учебниками или кулаками. Ее звали Настя, и она была похожа на животное (смесь кролика с медведем). Мало того, что она избивала меня, так еще и пакостила: рисовала в моей тетрадке, отнимала и ломала карандаши. Однако, она помогала мне переключаться. В моменты, когда она меня докучала, я переходил от страха и слез к ненависти.

Учительница не замечала того, что мне не дают покоя, а сам я ничего не рассказывал: ни дома, ни в школе, нигде. Не хотел быть «ябедой».

Один раз я попытался ответить на ее пакости. Когда она очередной раз колотила меня, я вырвался и отбежал от нее на полметра, сказав:

- Ты толстая тварюга! Считаешь себя девочкой? Да ты животное!

Она взорвалась слезами, а я обрадовался, подумав, что нашел оружие против этого громадного чудовища, но не прошло и пяти секунд, как она, расвирепев, налетела на меня и принялась изувечивать своими здоровенными лапами. К счастью, это было на перемене, и друзья помогли мне. Они оттащили медведицу, а я тем временем поднялся и дал деру в сторону мужского туалета – это было самое безопасное место в школе для мальчиков.

3 глава

Все уроки напролет я думал об игрушках и доме, а еще я не переставал плакать. Бывало, когда эта Настя жутко выводила меня, я переставал плакать и начинал мечтать о том, чтобы сделать ей что-то плохое. Изо дня в день мне приходилось смотреть на ее толстые, непропорциональные конечности. Ногти у нее были грязные, а пальцы обгрызенные до крови. Я не мог смотреть на это без отвращения. Она до того меня достала, что я представлял будто резко вонзаю нож ей в руку, и она начинает орать, умоляя меня высунуть его, а я кричу ей в ответ: «Будешь еще доставать меня?! Будешь!?!»

Я по-настоящему ее ненавидел и школу тоже возненавидел, и учительницу так же, но подсознательно. Я пока не осознавал всего этого.

Любовь Георгиевна вечно мне делала замечания из-за какой-то ерунды. Меня это жутко раздражало. Я понял, что то милосердие, которое я поначалу разглядел в ее глазах – фальшивка.

Еще меня выворачивало от домашней работы. Я бы и не делал ее вовсе, но мама заставляла и каждый день перед школой давала мне напутствия. Каждый день одно и то же:

– Слушай учительницу, не болтай и не отвлекайся! – Говорила она. – И не плачь! Я приду за тобой после третьего урока. Если чуть-чуть опоздаю ради Бога не плачь! Я тебя не брошу!

На переменах ребята взахлеб рассказывали друг другу, как они хорошо провели время после занятий. О том, как играли в мяч и в догонялки, и про то, как кушали мороженное, травили себя чипсами, вливали в рты дешевую газировку. А я вечно не доигрывал со своими ровесниками. В школе самая большая перемена шла пятнадцать минут, этого, конечно же, не хватало для того, чтобы хорошенько наиграться. На улицу меня не выпускали. Только если с братом, но его вечно не было дома. Он-то свободно гулял со своими новыми друзьями, и маленький Август ему бы только мешал.

Медленно, но верно учебный год подошел к концу. Нам в дневниках вырисовывали оценки и у меня, к маминому счастью, не оказалось ни единой четверки.

– Мой сын круглый отличник! – Хвасталась всем она.

Я был счастлив, что год закончился, и впереди ожидалось прекрасное, солнечное лето, много мороженого и отдых.

2 класс

«Хочу быть режиссером»

4 глава

Прекрасное лето закончилось, а я набрался новых сил и готов был идти «в бой».

На второй в моей жизни школьной линейке я чувствовал себя намного увереннее, чем в первый раз. Уже знал свой класс, и у меня было два друга.

Началась учеба, и мое место по-прежнему было на последней парте с этой медведицей. Понятия не имею по какой причине меня не пересаживали, но к счастью она переключилась с меня на другого мальчика. Он сидел впереди нас, его звали Степан. У него были большие вечно обветренные губы, сальноватые черные волосы и зеленые глаза. Ему чертовски подходило это имя.

Настя била меня в бок и говорила: «Смотри!», а затем делала какую-то мерзость Степану и ждала, что я на это скажу. Чаще всего я выдавал липовый смешок. Приходилось. В основном она доставала большую козявку из носа и швыряла ему на голову. Козявка цеплялась за волосы, и он весь день ходил с ней на голове. Как-то раз я попытался сказать ему об этом, но она остановила меня и пригрозила: «Расскажешь – убью!». Ну, я и молчал, собственно, в тряпочку. Мне проблемы были не нужны.

Вскоре мама перестала приходить за мной после школы, она устроилась на работу, и я был вынужден оставаться на после урочные занятия, которые назывались «продленка». Не самое лучшее место, к тому же, ее проводила не моя учительница, а какая-то старуха, которой, казалось, было лет сто.

Оставаясь там, мне приходилось обедать в школьной столовой. Это было пыткой для меня. Меньше всего на свете я хотел жевать бледную котлету с недоваренным рисом и запивать скисшим компотом. Но, к великому несчастью, меня заставляли. Насильно пихали в рот здоровенные куски котлеты и риса.

– Я не могу больше! – Лепетал я, с набитым ртом.

– Ты должен съесть все! – Орала старуха.

От такой еды мне становилось очень плохо – болел живот. Я пережевывал эту гадость и задавался вопросом: «За что?»

Приходя домой, первым делом я начинал жаловаться на «продленку». Обычно меня выслушивал Тимон, так как он приходил домой раньше меня и кроме него никого больше не было.

– Меня заставляют делать там уроки! И кушать гадкую еду! – Возмущался я.

– Дурак, делай там уроки, а дома не будешь их делать! – Твердил он. – И еда там нормальная!

– Нет, не нормальная! Гадкая еда! Тухлятина! Если ее есть – можно умереть!

– Я жру и не умер же еще! Ты просто брезгливый до невыносимости, как баба!

Но даже девчонки уплетали ту еду за обе щеки, а меня при одном только ее виде выворачивало.

Потом я звонил маме и говорил то же самое, что и брату.

– Потерпи, представь, что это твоя работа. – Говорила она.

Но невозможно так представлять. За работу дают деньги, которые можно тратить на всякую всячину, а за это ничерта не дают.

Целыми днями, после занятий, я смотрел мультики, играл игрушками и делал уроки. Игрушки у меня были самодельные. Всегда. Не потому что мне не покупали новые, а потому что мне не нравились магазинные. Я любил играть человечками, у которых двигаются все конечности, но таких было мало, а если и были, они двигались туго, и играть ими неудобно. Тогда я находил дома старых кукол-девочек моей мамы, отрывал им ноги, руки и в эти отверстия вставлял конечности других игрушек, только мужские и которые хорошо двигались. А чтобы инородные конечности не выпадали, я приклеивал их скотчем, и они неплохо держались. Потом брал маркер и рисовал им усы, бороду, брови. Словом, я превращал их в мужчин, но мне было все равно, как они выглядят – красиво или страшно. Главное, чтобы было удобно и не мешало моей фантазии. Все игры у меня были про мафиози и бойцов. Я представлял, что снимаю голливудский фильм. Обычно я «снял свой фильм» с самого начала, рассказывал про главных героев, развивал события поэтапно, как в настоящем кино. Иногда мне было неинтересно все обыгрывать, но меня мотивировала та мысль, что если я сразу перейду к интересным сценам – фильм не удастся, и его никто не будет смотреть. Не знаю почему я так думал, и самое главное зачем так делал? Но иначе я просто не мог. Либо так, либо никак. Просто играть и наслаждаться – для меня было бессмысленно. Я воображал зрителей и критиков – это меня сдерживало, чтобы не взорваться и не начать играть в свое удовольствие. Зато, когда я доходил до желанных сцен, где были перестрелки и драки, я наслаждался и смаковал этими моментами, переигрывал их по нескольку раз, стараясь превзойти предыдущие «сцены» и думал: «Вот это будет кино. Шедевр...», и после каждой игры, я давал название этому «фильму». Я даже пародировал голоса этих странных переводчиков, зажимая нос двумя пальцами и говоря что-то наподобие: «Война – это жизнь» или «Джонни Франческа против Винни Горфитто».

Но это был не конец моих игр. Помимо игрушек я играл туалетной бумагой. Да, той которой все люди подтирают зад. Я шел в туалет, отрывал двухметровый кусок туалетной бумаги, возвращался в комнату и игрался ею. Но я не просто так волок ее туда-сюда, нет. Я лепил из нее человечков. Отрывал небольшой кусочек и разделял пополам, но не разрывая полностью. Концы же скручивал, чтобы за них можно было держаться и вертеть. То есть у меня был прямоугольник, я его разделил пополам, конец скрутил и вот у меня получились руки. Концы этих рук, я скручивал в шарик, тем самым, превращая их в кулаки. Иногда я делал когти. Мне хватало около пяти или шести таких бумажных человечков, чтобы начать «снимать фильм». Думаю, я единственный кто развлекался таким образом. Сумасшествие, знаю. Но если мне это нравилось, что я мог поделаться?

5 глава

Время шло, я все так же оставался на «продленке» и все так же наблюдал за тем, как моя соседка по парте швыряла козявки в Степу. Мне было искренне его жаль.

Потом у меня появилась новая проблема: каждый день у меня болел живот. Он начинал меня беспокоить где-то со второго урока и вплоть до конца дня. А в туалет я пойти не мог. У меня был барьер, я не мог какать в школьном туалете. Еле-еле малую нужду там справлял, а большую тем паче не мог. Но как-то раз я все же взял в школу туалетную бумагу, и, когда мне, в очередной раз, захотелось какать, я, на свой страх и риск, решил попробовать. Достал ее и побрел в школьную парашу. По пути я вдруг увидел, что надо мной все вокруг смеются. «Почему?» – подумал я. – «Они что знают, что я иду какать?», и вдруг я увидел Тимона, когда он меня заметил, то тоже стал хихикать.

– Почему все смеются надо мной?! – Возмущенно спросил я, подойдя к нему.

– Посмотри назад! – Сказал он.

Я оглянулся и увидел свою туалетную бумагу. Оказывается, я волочил ее по полу, а в руках был лишь маленький кусочек от нее. Дурачье.

– О нет! – Воскликнул я.

Сворачивая бумагу, я пробежался глазами по этим смеющимся лицам. Отвратительный смех, раздающийся из беззубых ртов: ехидно и подло. Они смеялись надо мной и над тем, что я иду в туалет, чтобы покакать. Но беспокоило меня не то, что надо мной смеются, а то, что я вот-вот обделаюсь у всех на виду.

– Эй, нагнись ко мне! – Поспешно сказал я Тимону.

Он нагнулся.

– Я хочу срать! – Сказал я.

– Да я уже понял. – Усмехнулся он. – Ну, иди в туалет, я посторожу у двери.

Я зашел в парашу, сел на толчок, потужился, пукнул, но ничего не вышло. Я просто не мог, пришлось встать и выйти вон.

– Посрал? – Спросил Тимон, когда я вышел.

– Нет, не могу... – Трагично заявил я.

И тут прозвенел звонок, и он ушел, советуя мне на ходу: «Зайди и попробуй еще раз!»

Я не слушал его и медленно побрел к своему классу, переполненный дерьмом.

Весь урок я сдерживался, чтобы не обделаться, но в конце концов – усрался. Я протянул руку вверх и вымолвил, все тем же похоронным тоном:

– Можно выйти?

– Нет, сиди. – Ответила учительница.

– Но мне очень нужно! – Крикнул я.

– Ладно, иди.

Я переваливался с ноги на ногу по пути к туалету, с грузом в штанах, чувствуя вонь собственных какашек. Там не оказалось туалетной бумаги, а свою я смыл чистой, еще в первый раз. Натянув штаны, я вернулся в класс с тем же, с чем и вышел. А впереди был поход в бассейн.

До конца урока я молил Господа, чтобы одноклассники, сидящие вокруг, не чувствовали мою вонь, но такое невозможно было не учуять.

– Кто напердел?! – Спросил один мальчик, по имени Рома.

– Да тут не напердели, а обосрались! – Крикнул другой.

«О Господи! Вот он – конец!» – думал я. Но вдруг, случилось чудо.

– Это Костя обосрался! – Крикнул Рома.

– Точно! – Поддержали его пару человек из класса.

– Так тихо! – Сказала учительница, делая вид, что не чувствует запаха моего добра.

А класс на том и остановился, что это Костя обдристался. Я вздохнул с облегчением.

После урока, мы пошли в бассейн. Я пулей влетел в кабинку, разделся, повесил обкаканые трусы на крючок и надел чистые плавки. Затем я пошел в душ, а после вышел к бассейну и сел на скамейку. Вдруг из душа выбежали мальчики, прикрывая носы и рты. Такое чувство было, будто там что-то взорвалось. Отдышавшись, у всех началась истерика. Они гоготали, как гиены. А я сижу и думаю: «По-любому это связано с моими трусами».

– Эй, что случилось? – Спросил я Диму.

– Максим блеванул! – Задыхаясь от смеха, сказал он.

– Из-за чего?

– Ты зайди в раздевалку! Там вонь ужасная! Костя и сюда свое дерьмо принес!

Я посмотрел на Костю, он сидел на краю лавочки и плакал. «Бедный, он же ничего не сделал» – Подумал я. Мне было очень скверно и стыдно, я даже подумывал признаться всем, но тогда я бы стал в один ряд с этим Костей, а он был самым настоящим изгоем. «Грязный бож» – так его называли ребята.

– Август, пойдй, понюхай! – Не успокаивался Дима. – Там ужасно воняет!

– Да я верю...

Дождавшись пока все мальчики и девочки погрузятся в воду, я все же направился в раздевалку.

– Ты куда, Новак? – Крикнул мне тренер.

– Я пописать!

Зайдя туда, я побежал к своим трусам, схватил их и швырнул в помойку. «Фух, теперь я точно чист» – Подумал я.

После бассейна меня встретила мама. Я рассказал ей про то, что со мной случилось и заплакал. Она ели сдержала смех, а придя домой положила мне еще больше туалетной бумаги в рюкзак.

– Я не могу там какать! – Уверял я.

– Какай дома! – Советовала она.

Я послушал ее совета, но это не помогло. Живот по прежнему болел, но каждый день по-разному. У меня уже была своя десятибалльная оценка «хотения в туалет». Один-два балла – хорошо, но чуть-чуть побаливает живот, три-четыре – немного беспокоит, пять-шесть – болит и хочется какать, семь-восемь – очень хочется, девять – десять – обдрищивание. В основном было три-четыре балла, то есть терпимо. Но после того случая, через три месяца я снова случайно отложил личинку в штаны. Это был урок английского. Я сидел один на первой парте, с кашками в штанах. Учительница то подходила к моей парте, то отходила от нее. Было слышно шмыганье ее носа – пыталась определить, от меня воняет или нет.

Когда урок закончился, я побежал домой, несмотря на «продленку». Дома ждал брат. Он открыл дверь и вылутился на меня.

– Ты чего так рано?

– Я усрался... – Объявил я.

– Вот черт! – Гаркнул он. – Заходи, давай.

Я зашел в квартиру, мигом разделся и побежал на унитаз.

– Сам вытрешься? – Спросил Тимон.

Меня начал разбирать смех.

– Неа, нужно помыть мне попу. – Хохоча, сказал я.

В тот период, мне еще мыли задницу родители. Так уж вышло, сам я не мог или просто не хотел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.